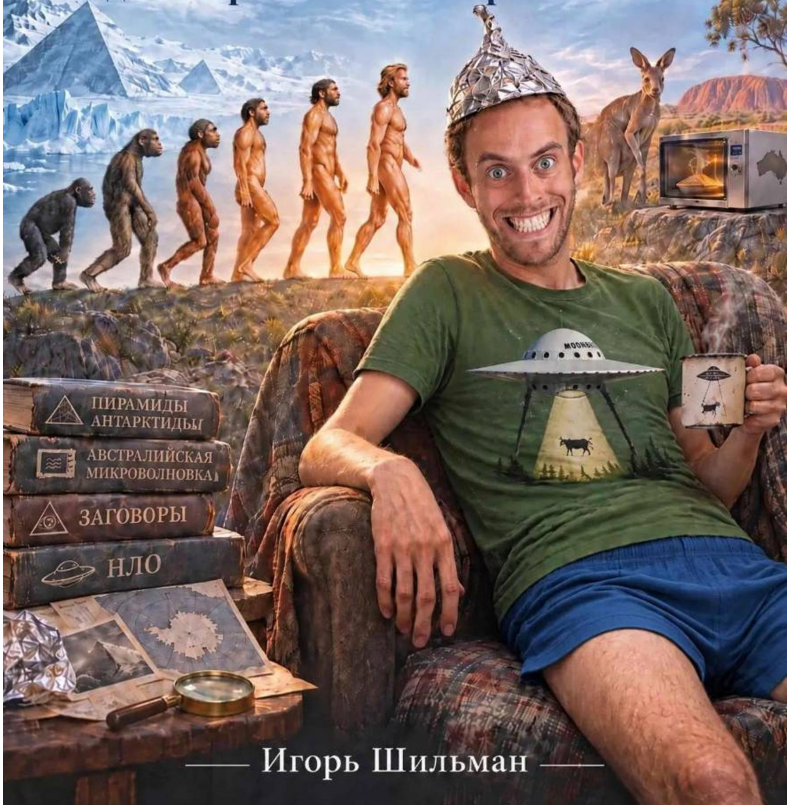
История

СО СНЯТОЙ ШАПОЧКОЙ ИЗ ФОЛЬГИ

Как нас обвели вокруг пальца от пирамид Антарктиды до австралийской микроволновки

Игорь Шильман

Шильман Игорь

История со снятой шапочкой из фольги. Как нас обвели вокруг пальца от пирамид Антарктиды до австралийской микроволновки

https://litres.ru/74938097
SelfPub; 2026

Аннотация

Почему умные люди верят в рептилоидов, «лунный заговор» и целебную воду из телевизора? Эта книга — ироничное расследование того, как рождаются современные мифы и почему телевизионные тайны побеждают школьные учебники. Автор с юмором разбирает главные легенды нашего времени — от Великой Тартарии и Бермудского треугольника до шапочек из фольги — и показывает, что настоящая наука на самом деле куда удивительнее, чем любые выдумки конспирологов.

Шильман Игорь
История со снятой шапочкой из фольги. Как нас обвели вокруг пальца от пирамид Антарктиды до австралийской микроволновки

Издание первое, ничем не дополненное, и видимо, последнее

Как стать звездой с помощью пылесоса и марсиан

Стать героем громкого репортажа сегодня проще, чем кажется. Если вы хотите проснуться знаменитым так, чтобы журналисты мечтали взять у вас интервью, а лучшие умы планеты выстроились в очередь к вашей двери, вам вовсе не обязательно петь, как Майкл Джексон. Не нужно даже пытаться выйти на ментальную связь с Альбертом Эйнштейном, чтобы уточнить, ловит ли на том свете РЕН-ТВ. Доста-

точно просто рассказать о случайной встрече с пришельцами — марсианами или кем-то поэкзотичнее, сразу ведь не разберешь, по-русски они не говорят.

Звучит как шутка, но именно такие сюжеты годами собирают у экранов миллионы зрителей. Удивительно, как устроены подобные передачи: они похожи на огромную комнату, где каждый находит свой удобный угол. Одни включают их фоном, как юмористическое шоу, чтобы посмеяться над очередным «древним космодромом» на месте обычной скалы. Но на одних шутках многолетние рейтинги не построишь — однотипные мемы приедаются быстро. А значит, существует огромная, преданная аудитория, для которой очередной выпуск — это не стендап, а свежая сводка новостей с невидимого фронта. И если на этом невидимом фронте ведущий вдруг, неожиданно перешел на прогноз погоды, сердце замирает вдвойне.

И здесь кроется главный парадокс. Принято считать, что в тарелки и тайные заговоры верят люди наивные или необразованные. Но в реальности среди тех, кто всерьез обсуждает контакты с пришельцами, полно инженеров, врачей и преподавателей. Уровень образования здесь почти не играет роли. Для этих зрителей огромный поток нового, пускай и фантастического знания — просто как воздух. И веру в марсиан никак нельзя подрывать: в конце концов, не зря же сам Илон Маск отправил им в подарок в открытый космос новенький автомобиль — должен же кто-то там его встретить

и оценить. Будем только надеяться , что марсиане поведут себя как джентльмены, и пришлют нам на землю новенький марсоход последней марки .

Откуда растут ноги: как Америка придумала, а мы полюбили

Если спросить случайного прохожего на улице, с каким телеканалом у него ассоциируются рептилоиды, пирамиды, построенные пришельцами, и тайны древних цивилизаций, ответ в девяти случаях из десяти будет очевидным. Этот формат настолько прочно сросся с нашим телеэфиром, что кажется чисто отечественным изобретением — чем-то вроде народного фольклора XXI века.

Но на самом деле корни этого явления уходят далеко за океан.

В конце 2000-х годов американское кабельное телевидение столкнулось с серьезной проблемой: зритель устал от скучных академических лекций. Классические документальные фильмы, где седой профессор двадцать минут рассказывает о методах укладки известняковых блоков в Древнем Египте, перестали собирать кассу. Люди с попкорном засыпали в креслах, синхронно с ними клевал носом сам профессор, а под конец в спячку впадала вся съёмочная группа вместе с кинокамерой. Людям хотелось драйва, загадок и ощущения, что прямо сейчас на их глазах переписывается исто-

рия человечества.

Именно тогда на канале History появился проект, который изменил правила игры — «Древние пришельцы» (Ancient Aliens). Продюсеры нащупали золотую жилу. Вместо того чтобы скучно пересказывать учебники, они взяли самые смелые, маргинальные теории XX века (вроде книг Эриха фон Дэникена) и упаковали их в формат остросюжетного триллера.

Рецепт оказался гениальным в своей простоте:

• Никаких прямых утверждений. Вместо «пирамиды построили инопланетяне» звучит невинный вопрос: «А могли ли древние люди справиться с этим без помощи извне?». Формально придраться не к чему — ведущий просто размышляет.

• Магия монтажа и музыки. Тревожный синтезатор, быстрая смена кадров, загадочные паузы — и вот уже обычная царапина на камне выглядит как след от лазерного резака.

• Новые герои. Вместо скучных академиков в кадре появились харизматичные «независимые исследователи» с запоминающейся внешностью, которые говорили с таким жаром, словно сами вчера вернулись с орбиты.

Успех в США был оглушительным. Программа, которую поначалу воспринимали как разовый эксперимент, растянулась на десятки сезонов и породила целую индустрию. Американский зритель жадно глотал этот коктейль из мифов, псевдонауки и детектива. И очень скоро этот формат заме-

тили телевизионщики по всему миру, включая наших. Оказалось, что загадки космоса и древних богов не знают государственных границ.

Конвейер сенсаций: от марсианских болгарок до жидкого гранита

Но у любого телевизионного жанра есть один неумолимый враг — привыкание. То, что вчера заставляло зрителя замирать с бутербродом у экрана, завтра превращается в фоновый шум.

Когда истории о марсианах, пиливших египетские блоки лазерными болгарками, были рассказаны по десятому кругу, а по точным координатам их баз так никто и не дозвонился, перед авторами встал логичный вопрос: чем удивлять дальше? Зритель стал потихоньку догадываться, зачем марсианам понадобилось так далеко лететь, чтобы сложить в стопку гигантскую кучу камней, не оставив ни чертежей, ни секретных знаний, а лишь расписав стены пирамид рецептами крема из крокодильих фекалий, зачем им это, не загорать же они прилетали?.

Ведь телевизионный эфир — это ненасытная печь, в которую нужно каждый день подбрасывать свежие дрова. И здесь в игру вступает главное искушение для любого создателя подобных программ и книг — соблазн придумать новую, еще не заезженную версию реальности.

Работает это безотказно. Если пришельцы уже немного приелись, можно резко сменить пластинку и выдвинуть «революционную» гипотезу: никаких инопланетян не было, просто древние мастера знали волшебный рецепт приготовления гранита из обычного цемента и отливали многотонные блоки прямо на месте, не отходя от пирамиды. Звучит почти научно, цепляет за живое и открывает безграничный простор для фантазии. На одной такой идее можно не только запустить целый цикл передач, но и выпустить серию бестселлеров в твердом переплете — как это блестяще делают популярные публицисты вроде Александра Никонова или других мастеров острой, провокационной подачи.

И в этом заключается удивительная живучесть всей индустрии. Авторам даже не нужно каждый раз изобретать велосипед:

• Свежий взгляд. Можно взять любую официальную историческую загадку и предложить для нее смелое бытовое или техногенное объяснение — от «древнего бетона» до забытых технологий предков.

• Вторая жизнь старых мифов. Можно просто стряхнуть нафталин со старых легенд середины прошлого века, добавить современную компьютерную графику, пару новых «экспертов» — и вот перед нами уже сенсация сезона.

• Бесконечный сериал. Каждая новая гипотеза не закрывает тему, а лишь плодит десяток новых вопросов, на которые зритель обязательно придет искать ответы в следующем

выпуске.

Для создателей контента это идеальный вечный двигатель, а для зрителя — бесконечный сериал, где каждая серия обещает перевернуть учебники истории с ног на голову. Остается подождать, когда выросшее на этих программах молодое поколение и откроет новые горизонты науки.

Мягкая посадка на российской почве

Когда в начале 2010-х годов этот западный конвейер сенсаций добрался до российского телевидения, произошло удивительное. Формат не просто прижился — он пустил глубокие корни и расцвел такими красками, которые американским продюсерам даже не снились.

Наши телевизионщики оказались блестящими адаптаторами. Они быстро поняли, что просто переводить западные фильмы про египетских пришельцев — это скучно. Чтобы российский зритель по-настоящему прикипел к экрану, космическим гостям нужно было выдать местную прописку. И работа закипела.

Заморские рецепты мгновенно обогатились нашим неповторимым колоритом:

• Своя география чудес. Выяснилось, что загадочные мегалиты, места силы и древние обсерватории есть не только в Перу или Египте, но и на Урале, в Сибири и в соседней области, буквально в часе езды от дачи.

• Секретные папки. На смену абстрактным «правительственным агентам» пришли таинственные архивы закрытых НИИ и гриф «Совершенно секретно», который на нашего человека действует магически.

• Узнаваемая интонация. Если западные ведущие чаще всего играют в голливудский блокбастер, то наши научились разговаривать со зрителем доверительным, почти кухонным тоном: «Вы же сами всё понимаете, официальная наука нам просто не договаривает».

В итоге получился уникальный культурный продукт. Американская обертка, умноженная на нашу богатую традицию поиска тайного смысла и любви к душевным разговорам о судьбах мира, сделала эти передачи настоящим народным феноменом. Они перестали быть просто развлечением на вечер — они стали частью повседневного фона, поводом для споров в курилках, на кухнях и в комментариях в интернете. Надеюсь эту книгу никто не прочитает, особенно из секты постоянных зрителей, это было бы для них жестоко, не по-человечески, и не по-марсиански.

И чтобы понять, почему этот гипноз работает безотказно год за годом, пора заглянуть за кулисы и разобрать, как именно устроен один стандартный выпуск.

Эффект детектора лжи: почему даже скептик начинает сомневаться

Если бы подобные передачи строились на одних только фантазиях сценаристов, зритель заскучал бы через пятнадцать минут. Секрет их гипнотической силы в другом: на вас обрушивают лавину фактического материала. Фотографии, рассекреченные рапорты, схемы, показания военных, врачей и летчиков — объем информации настолько огромен, что мозг просто не успевает проверять каждую деталь и поневоле начинает сдаваться под натиском аргументов.

Но главный козырь, который авторы приберегают для финала, — это проверка очевидцев на полиграфе. Когда обычный, ничем не примечательный человек садится в кресло, его опутывают датчиками, и бесстрастный прибор подтверждает: он не врет, он действительно видел светящийся диск над лесом или общался с существами в серебристых комбинезонах. В этот момент даже у самого закоренелого скептика, всю жизнь проработавшего в космическом центре, где-то в глубине души зажигается крошечный огонек надежды: «А что, если и правда не одни?»

В арсенале таких программ есть целый золотой фонд «животрепещущих» историй, которые кочуют из выпуска в выпуск и заставляют задуматься даже самых трезвомыслящих людей:

• Случай Трэвиса Уолтона (США, 1975 год). Классика жанра, с которой начинались многие западные шоу. Обычный лесоруб из Аризоны исчез на глазах у шестерых коллег после встречи с ярким лучом света в лесу и вернулся только

через пять дней. Правда, если перевести эту историю на наш родной фольклор, многое встаёт на свои места. Судя по всему, бедняга поймал инопланетный луч сразу после того, как словил классическую «белочку». Удивительное дело: наши сибирские лесорубы — прямые коллеги аризонских — ловят эту самую «белочку» регулярно, но ни одного из них за всю историю ни разу не затянуло в летающую тарелку. Видимо, у пришельцев к нашим мужикам какой-то особый, суеверный страх.

• Инцидент на «Высоте 611» в Дальнегорске (СССР, 1986 год). Наша собственная легенда, без которой не обходится ни один уважающий себя выпуск. В Приморском крае на глазах десятков жителей в сопку врезался светящийся шар. На месте падения нашли странные оплавленные шарики из сплава, который, по словам тогдашних исследователей, было почти невозможно получить в обычной печи. Готовые вещественные доказательства, которые можно потрогать руками.

• Битва за Лос-Анджелес (1942 год). Реальное историческое событие, зафиксированное в газетах и военных архивах. Через несколько месяцев после нападения на Перл-Харбор зенитная артиллерия США несколько часов обстреливала в ночном небе неопознанные объекты. Тысячи свидетелей, официальные снимки прожекторов в небе и ни одного сбитого вражеского самолета. Для авторов программ это идеальный фундамент: факт отрицать невозможно, а дальше можно строить любые версии.

• Свидетельства военных летчиков и космонавтов. Когда о странных объектах рассказывает дачник, ему можно улыбнуться. Но когда в кадре появляется боевой пилот с безупречной репутацией или заслуженный испытатель, который спокойно описывает объект, меняющий траекторию под прямым углом на сверхзвуковой скорости, скепсис тает на глазах.

Но из-за чрезмерной секретности, которую рептилоиды и марсиане тщательно соблюдают, все реже они являются хозяевам продвинутых смартфонов с хорошими камерами, но без каких-либо ограничений перед владельцами дисковых аппаратов.

Именно в этом и заключается магия подачи. Полиграф ведь фиксирует не объективную истину, а то, что человек искренне верит в свои слова. Но для зрителя у экрана эта тонкая грань стирается. Видя, как обычный человек на детекторе лжи доказывает свою правоту, мы начинаем сопереживать ему — и незаметно для себя допускаем, что мир вокруг куда загадочнее, чем написано в школьном учебнике.

Легко улыбаться, глядя на экран, где бодрый диктор под тревожную музыку рассказывает о тайных базах под Антарктидой. Но улыбка сходит с лица, когда ты выключаешь телевизор, идешь в гости к старому другу — умному, начитанному человеку с отличным чувством юмора и солидной профессией — и вдруг слышишь от него абсолютно серьезную

фразу: «Ты же понимаешь, что настоящую историю от нас просто скрывают?»

В этот момент хочется по привычке отшутиться, но быстро понимаешь: здесь не до смеха. Перед тобой не городской сумасшедший и не человек, переживший тяжелую душевную травму. Это твой близкий знакомый, который умеет логически мыслить, разбирается в технике или финансах, но в вопросах прошлого или устройства мира занимает позицию, которая кажется тебе фантастической.

Я не раз вступал в такие споры. И со временем заметил одну важную вещь: переубедить такого собеседника фактами из учебника почти невозможно — не потому, что он глуп, а потому, что его картина мира строится на вполне понятной и по-своему железной логике.

Во-первых, любой взрослый человек знает, что официальная история не раз переписывалась, а архивы десятилетиями лежали под грифом «секретно». Отсюда рождается простое и трезвое недоверие: если нам не договаривали о событиях столетней давности, где гарантия, что нам не врут о событиях тысячелетней? Во-вторых, умному мозгу свойственно искать систему там, где наука разводит руками и говорит: «Мы пока не знаем» или «Так случайно сложилось». Гипотеза о тайном замысле или скрытой цивилизации закрывает эти пустоты, делая мир цельным и понятным.

И в таких разговорах становится ясно: за экраном телевизора нет «наивных простаков» и «хитрых кукловодов». Есть

живые, мыслящие люди, каждый из которых просто по-своему пытается нащупать правду в мире, где слишком много тумана. И если приходится выбирать , какому каналу больше доверять, то невольно выбираешь тот самый, где по вечерам рассказывают про рептилоидов, там хотя бы все логично.

И вот когда спор на кухне затихает, а чай в кружках давно остыл, вдруг ловишь себя на странной мысли. Ведь если отбросить всю телевизионную шелуху — лазерные болгарки, ангары ануннаков и серебристые комбинезоны — в сухом остатке у нас с тем самым другом остается одно общее желание. Нам обоим до ужаса хочется, чтобы во Вселенной мы были не одни.

Пусть не будет мудрых атлантов, которые прилетят и починят нам экономику или хотя бы тот самый робот-пылесос. Пусть не будет космодромов на обратной стороне Луны. Но как же хочется, чтобы хотя бы через дорогу — на соседнем Марсе — нашлись хоть какие-нибудь «младшие братья». Пусть без летающих тарелок, пусть даже без разума — просто живые.

И вот здесь начинается самое интересное. Если выключить телевизор с его тревожным синтезатором и открыть скучные с виду отчеты настоящих планетологов, выясняется, что реальная наука вовсе не пытается убить эту мечту. Она просто работает медленнее и честнее.

Никаких пирамид и взлетных полос марсоходы, конечно,

не нашли. Зато робот Perseverance, колеся по высохшему руслу древней марсианской реки в кратере Езеро, наткнулся на ничем не примечательный с виду камень, усыпанный крошечными «леопардовыми пятнами» и сложной органикой. А его старший коллега Curiosity в кратере Гейла наскреб целый коктейль из углеродных молекул — тех самых кирпичиков, из которых при удачном стечении обстоятельств собирается жизнь.

Для редакции условного РЕН-ТВ такие новости — чистый брак. Из пятнышка размером с маковое зерно не слепишь часовой блокбастер с громким заголовком «Марсиане выходят на связь!». Да и сами ученые ведут себя максимально нетелевизионно: поправляют очки и скучным голосом говорят о «потенциальных биосигнатурах», предлагая не торопиться с выводами, пока грунт не привезут на Землю.

Но если вдуматься, в этих сухих формулировках больше настоящей магии, чем во всех передачах про рептилоидов вместе взятых.

Конечно, даже если завтра лабораторный анализ подтвердит, что три миллиарда лет назад в марсианской луже действительно копошились местные микробы, в нашей непростой земной жизни мало что изменится. Цены в магазинах не упадут, пробки на дорогах не рассосутся, а будильник в понедельник зазвенит ровно по расписанию. Но смотреть на вечернее красноватое небо станет чуточку теплее — от тихого осознания, что в этой бесконечной ледяной пустоте мы,

возможно, все-таки не единственные, кому повезло ожить.

Лотерея с сотней нулей и космический секонд-хенд

Но если потянуть за эту ниточку чуть сильнее, выясняется вещь, от которой у любого редактора телеканала о непознанном загорелись бы глаза. Оказывается, у нас самих с пришельцами куда больше общего, чем принято думать. И чтобы это понять, не нужно верить в летающие тарелки — достаточно заглянуть в обычный учебник биологии и вооружиться калькулятором.

Любой живой организм на Земле — от синего кита до той самой гипотетической марсианской бактерии — построен на сложных молекулах. Главная героиня самого начала жизни — молекула РНК. Чтобы перестать быть просто мертвой химией и гордо называться «первой жизнью», от нее требовалось всего две вещи. Во-первых, быть флешкой — хранить инструкцию о том, как устроена она сама. Во-вторых, быть ксероксом — уметь без посторонней помощи печатать свои точные копии из плавающего вокруг химического мусора.

Звучит просто, как инструкция к офисному принтеру. Но на уровне химии это настоящий кошмар инженера. Чтобы такая молекула заработала как «ксерокс», она должна состоять минимум из нескольких сотен звеньев-нуклеотидов, выстроенных в строго определенном порядке. Ошибешься на пару деталей — и вместо живой системы получишь беспо-

лезный комок слизи, который даже на ночной эфир не позовешь.

И вот здесь в дело вступает математика, от которой у серьезных ученых до сих пор дергается глаз. Физики и биологи не раз пытались подсчитать, какова вероятность того, что в древнем земном океане нужные атомы случайно столкнутся в правильном порядке и соберут хотя бы одну рабочую молекулу.

Цифры получаются настолько неприличными, что их даже вслух произносить неловко: примерно один шанс на единицу с несколькими сотнями нулей. Чтобы представить масштаб, вообразите, что вы закрыли глаза, бросили в кучу металлолома гранату, а после взрыва на земле сам собой собрался новенький «Боинг» с заправленными баками и улыбающейся стюардессой у трапа. Примерно таковы шансы на случайную сборку первой живой молекулы на отдельно взятой планете.

А теперь посмотрим на таймер. Земля родилась около 4,5 миллиарда лет назад. Первые полмиллиарда лет она представляла собой раскаленный ад, куда без перерыва падали астероиды размером с Челябинскую область — ни о какой жизни там и речи не шло. Примерно 4,1 миллиарда лет назад планета наконец остыла, и появились первые океаны. А уже через каких-то 200–300 миллионов лет в земных породах появились первые неоспоримые следы жизни. По меркам Вселенной это один миг. Жизнь не мучилась миллиарды

лет в попытках «завестись с толкача». Она возникла почти мгновенно — едва на Земле появилась первая теплая лужа.

Как же так вышло, если вероятность такого события практически нулевая? И вот тут даже самые суровые скептики в белых халатах начинают осторожно поглядывать на небо.

Ведь Земля — это крошечная пылинка. А космос чудовищно огромен, и ему почти 14 миллиардов лет. В этой гигантской лаборатории триллионы звезд, вокруг них крутятся миллиарды планет, а между ними летают облака из готовой органики — аминокислот, сахаров и тех самых деталей для будущей РНК. Сегодня ученые находят их прямо внутри упавших метеоритов и в грунте, который автоматические станции привозят с астероидов.

Правда, тут есть важная деталь, которая обычно портит настроение фанатам космических кораблей. Готовая живая молекула РНК прилететь к нам на комете вряд ли могла — шансов на это меньше одного процента. Цепочка РНК слишком нежная: за миллионы лет полета жесткая космическая радиация неизбежно порубила бы ее в мелкую лапшу, а при входе в атмосферу метеорит полыхает так, что внутри не выживет даже самый закаленный тихоход. Да и в ледяном вакууме молекулам негде устроить нормальную «вечеринку» — чтобы сшиться в длинную цепочку, им нужно то намокать в теплой луже, то подсыхать на солнышке.

Зато с доставкой базовых «запчастей» космос справился блестяще. Во время древних метеоритных бомбардировок

на Землю свалились миллионы тонн готовых аминокислот и азотистых оснований. То есть сама сборка «Боинга» прошла уже здесь, в наших родных земных лужах, но вот весь крепеж, гайки и чертежи приехали к нам из далекого космоса.

Эта красивая научная теория называется «панспермией». И если она верна, то авторы ночных передач о тайнах Вселенной в чем-то даже правы, хоть и сами того не подозревают. Нам не нужно ждать, пока над Кремлем или статуей Свободы зависнет серебристая тарелка с мигалками. В каком-то смысле инопланетяне давно здесь. Мы с вами — потомки космических мигрантов, которым четыре миллиарда лет назад повезло удачно приземлиться в земной океан и собрать себя из внеземного конструктора.

Завод болтов без единого мастера

Тут у любого здравомыслящего читателя сразу возникает резонный вопрос: погодите, а откуда в космосе вообще взялся весь этот органический мусор? Это что же, во Вселенной раньше существовали миллиарды цветущих планет, которые взорвались и разлетелись на запчасти? Или этот «хлам» появляется сам по себе, безо всякой связи с жизнью?

Честный ответ ученых звучит так: похоже, что верен первый вариант — жизнь для этого вообще не нужна.

Дело в том, что Вселенная устроена как гигантский, бесхозный химический завод. Самые популярные элементы в

космосе после водорода и гелия — это углерод, кислород и азот. Именно из них и строится всё живое. Когда эти газы собираются в холодных космических облаках или на поверхности ледяных астероидов, в дело вступают космические лучи, жесткий ультрафиолет соседних звезд и тепло от столкновений.

Для химии этого вполне достаточно. Под действием радиации и перепадов температур простые молекулы сами собой сцепляются в более сложные — в те самые аминокислоты, сахара и звенья будущей РНК. Никакие микробы и никакие «древние цивилизации» тут ни при чем. Космос штампует эти детали на автопилоте, точно так же, как мороз рисует сложные узоры на стекле безо всякого художника.

Впрочем, второй сценарий ученые тоже со счетов не сбрасывают. Космос умеет работать и как «межпланетное такси». Когда в планету врезается крупный астероид, он выбивает в открытый космос миллионы тонн обломков. Если на этой планете уже была хотя бы простейшая микробная жизнь, ее споры, спрятанные глубоко в трещинах камня, способны пережить и космический холод, и радиацию, а через миллионы лет рухнуть на соседний мир.

Более того, планетологи вполне серьезно обсуждают версию, что жизнь сначала могла вспыхнуть на молодом и тогда еще влажном Марсе, а уже потом — вместе с марсианским метеоритом — прилететь на Землю. Если это так, то мы с вами и есть те самые марсиане, которых так упорно ищут

уфологи.

И в этом главная красота настоящей науки. Ей не нужно придумывать заговоры и лазерные болгарки, чтобы поразить воображение. Достаточно просто посмотреть на то, как устроена Вселенная: она с самого начала завалена деталями для сборки жизни, как пол в детской комнате — кубиками «Лего». Вопрос лишь в том, в скольких углах этой гигантской комнаты кому-то еще повезло сложить из них первую живую башню.

Как ученые 17 лет принимали обед за послание инопланетян

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.